

ДЕНЬ ЛЕРМОНТОВА

Ираклий АНДРОНИКОВ

В ИСТОРИИ рукописного наследия Лермонтова было множество драматических эпизодов. Далеко не все уцелело из поэтических произведений его, не говоря уже о письмах, рисунках, картинах. Кое-что из сочинений было отобрано при аресте и, видимо, уничтожено. Несколько тетрадей со стихами брошены в реку, когда горцы напали на кавказскую почту. Но один эпизод достоин сожаления особого: в 1842 году близкий родственник Лермонтова, состоя в Кременчуге адъютантом при начальнике артиллерии, оставил на «некоторое время» сыну его связку черновых бумаг, которую поэт отобрал перед последним отъездом своим на Кавказ, в 1841 году, чтобы потом еще раз просмотреть ее. В этой связке были стихи неизвестные. Много листов из нее пропало. В 1865 году живший в Кременчуге доктор медицины Н. А. Долгоруков предлагал прислать в Петербург «сотни стихов» Лермонтова (очевидно, имея в виду не стихотворения, а стихотворные строки). И сообщал, что среди них имеется маленькая, вполне законченная поэма и несколько стихотворений, написанных Лермонтовым по-французски. Но дело о покупке этих бумаг почему-то расстроилось, и что это были за стихи, нам до сих пор неизвестно. Уцелевшая часть кременчугской пачки, заключенная в переплет, попала потом в Москву, в библиотеку собирателя А. Д. Чертова и вместе с ней в собрание Исторического музея. Было это давно. С тех пор многие поколения редакторов разворачивали «Тетрадь Чертовской библиотеки». И все-таки одну запись Лермонтова никто не заметил и не использовал. Она не попала ни в академическое, ни в какие другие издания.

ЭТО ПЕРЕЧЕНЬ дел на обороте листа, на котором писалось стихотворение 1835 года «Опять, народные витии». Лермонтов, которому исполнился 21 год, служит в царском гусарском полку и разъезжает по Петербургу с визитами. Некоторые имена и фамилии записаны сокращенно. И все же попробуем разгадать их и восстановить этот день жизни молодого поэта.

Этот список выглядит так:

Шлипен —
новос:
Кат ал
Алекс ален:
Торсуков
Лонгинов
Кирееву обед:
веч. шерба пономареву,
к Столыпину, Устимов.

Прежде чем обратиться к перечисленным здесь фамилиям, представим себе литературные дела Лермонтова.

Он живет не только в Царском Селе, где стоит полк, но и в Петербурге, на Садовой, у бабушки. В этой квартире вместе с ним живет его друг — Святослав Раевский, шестью годами старше его, образованный юрист, прослушавший курс двух факультетов Московского университета. Раевский имеет связи в литературном кругу и заботливо следит за литературными занятиями Лермонтова. Лермонтов еще не печатается. Он решил дебютировать новой пьесой. И вот работа над первой редакцией «Маскарада» окончена. Прежде чем представить ее в драматическую цензуру и на театр, Раевский — он служит столоначальником в департаменте — поручает своим сослуживцам, которые вечером заезжают к ним с Лермонтовым на Садовую улицу по-приятельски, прочитать драму и выверить списки. После этого пьеса поступает в драматическую цензуру III отделения. Одновременно Раевский передает пьесу двоюродному своему брату А. Д. Кирееву. Это управляющий конторой императорских театров. Чиновник Инсарский пишет, что он был «могущественным и неограниченным повелителем всего театрального мира... Кто не знает и не помнит Киреева? — продолжает Инсарский. — Если говорили о театрах, если вы имели какое-либо дело до театров, на первом плане был Киреев, как будто бы ни Геденова, ни других личностей, имеющих значение в этом мире, не существовало».

Впоследствии, несколько лет спустя, Киреев выступит роли издателя «Героя нашего времени». А по-

ка Лермонтов должен еще только познакомиться с ним. Если пьеса Кирееву понравится, он вручит ее директору театров А. М. Геденову, и тогда можно рассчитывать, что «Маскарад» будет поставлен на императорской сцене.

Лермонтов отправился к полку, в Царское. Раевский посылает туда письмо, в котором поздравляет друга с успехом и передает приглашение Киреева: Киреев хочет познакомиться его с Геденовым.

Приехав в Петербург, поэт едет к Синему мосту на Мойку, чтобы навестить Карла Антоновича Шлипенбаха: барон Шлипенбах — генерал, начальник той самой юнкерской школы, из которой Лермонтов год назад выпущен в полк. Но отношения с ним и с его женой на этом не оборвались. Об этом мы знаем из письма бабки Е. А. Арсеньевой, в котором упоминается Мавра Николаевна Шлипенбах: выдав дочерей замуж, она заскучала, пристратилась к картам. А сам Шлипенбах болел и все еще слаб.

«Новос» — надо думать, тайный советник Николай Петрович Новосильцов, по словам Гоголя, известный «всем нашим литераторам». Он сын «Кат. Ал», указанной в следующей строке — Катерины Александровны Новосильцовой, восьмидесятилетней старухи, вдовы знаменитого сенатора П. И. Новосильцова, умершего еще в начале alexandrovского царствования. И она, и сын ее знакомы Лермонтову и старухе Арсеньевой. Недаром Арсеньева пишет, что видела как-то Катерину Александровну Новосильцову и удивлена: «ничего не переменялась». Зато сын Николай Петрович «был очень болен — инфламация в желудке», но поправляется.

Новосильцова живет на Миллионной, рядом с семьей своего брата Ардалиона Александровича Торсукова. Эта фамилия тоже включена в перечень предстоящих визитов Лермонтова. Торсуков — обергофмейстер двора, женатый на племяннице известной шутихи Екатерины II — карлицы Марии Савишны Перекрусиной. «Он был в большой дружбе с сестрой», — пишет в своих мемуарах Ф. Вигель, — и их два дома составляли почти один: потому-то между всякой всячины встречался у них народ придворный и люди хорошего тона».

Надо ли говорить, что, с их точки зрения, Лермонтов принадлежит ко «всякой всячине». И отметим, забегая вперед: строки «Смерти Поэта», которые будут написаны через год с небольшим, — характеристика «известной подлостью прославленных отцов» и придворных потомков этих отцов возникнет не понаслышке, а на основании собственных наблюдений над знатью, поднявшейся, подобно грибоедовскому Максиму Петровичу, который «сгибался вперегиб», чтоб насмешить Екатерину II. Или, как говорит у Лермонтова в «Маскараде» Казарин об этих новоиспеченных вельможах:

Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А все ведь отчего? — умели
сохранять
Приличье во всем, блюсти свои
законы,
Держались правил... гляди!..
При них и честь и миллионы!..

Торсуковы породнились с Кикиными: Кикины — знакомые Лермонтова. Сохранился лермонтовский акварельный рисунок, который стоит карикатуры: отвратительный, сморщенный, брюзгливый старик Кикин; очевидно, Алексей Андреевич, тот, что шесть лет спустя будет писать о дуэли, жалея Мартынова, и злорадствовать, извергая хулу на погибшего Лермонтова.

В доме матери живет и другой Новосильцов — Петр Петрович, кавалергард, однополчанин Дантеса, женатый на некоей Меропе Александровне Беринг. Эта Меропа Новосильцова даже в 80-х годах не могла спокойно говорить о Лермонтове и отзывалась о нем так резко, что брань ее противно цитировать. Можно было бы и не упоминать про Меропу и про мужа ее... но нет! На дочери их женат приятель Лермонтова, лейбгусар

Н. С. Вяземский. И жене его принадлежат две акварели, хранящиеся ныне в собрании Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: «Бивуак лейб-гвардии Гусарского полка в Царском Селе», писанный как раз в 1835 году. И другой — «Мельница с тройкой».

Однако вернемся к перечню дел! Если Новосильцовы живут на Миллионной, дом № 16, угол Мошкова, а Торсуковы на Миллионной, дом № 11, чуть ближе к Марсову полю, и эти два дома составляют «почти один» дом, то кто же обозначенный между ними в списке «Алекс. Алекс»? Предположить, что Лермонтов уехал с Миллионной, чтобы тотчас снова вернуться туда?

Тут простор для догадок широкий. Это может быть, скажем, брат бабушки, обитатель Казани и Симбирска, Александр Алексеевич Столыпин, приехавший в Петербург и остановившийся у знакомых. Но, возможно, это брат Меропы Александровны — Алексей Александрович Беринг.

С Миллионной улицы Лермонтов едет к Лонгиновым на Сергиевскую. Николай Михайлович Лонгинов — статс-секретарь у принятая прошения на имя царя. Считаясь с Лонгиновым в родстве по Арсеньевым, Лермонтов постоянно видится с ним.

Первая половина дня пролетела. Поэт спешит к Александринскому театру, где квартирует Киреев и где должна решиться, как думает Лермонтов, судьба постановки. Следовательно, в этот день ему еще неизвестно, что цензура запретит «Маскарад». Значит, происходит все это до 8 ноября 1835 года, когда первая трехактная редакция «Маскарада» возвращена поэту «для перемен».

У Киреева Лермонтов встречается с Геденовым. Обед затянулся. Выходит оттуда Лермонтов вечером. Ему предстоит повидать однополчанина своего — Александра Шербатова. Он живет на Фонтанке. Если это другой Шербатов — Дмитрий, — дело от этого не меняется: он тоже гусар и однополчанин. От Шербатова Лермонтов поспешает на Пантелеймоновскую — к лейбгусару Пономареву — «Камашке». Потом на Театральную площадь к Мордвиновым, у которых живет его родственник, однополчанин и друг Столыпин — Монго. А если это Алексей Григорьевич Столыпин? Разница в данном случае тоже невелика. Потому что и этот родственник. И тоже однополчанин. Если так, то Лермонтов поскандал от «Камашки» не к Большому театру, а на Караванную улицу, где живет мать А. Г. Столыпина, родная сестра бабки Арсеньевой — Наталья Алексеевна Столыпина.

Последний в списке «Устинов» или «Устимов». Кто это? Миша Устинов, приехавший из Саратова — молодой человек, на сестре которого женат младший брат бабушки Афанасий Алексеевич Столыпин?

Так хочется думать, но не выходит — довольно ясно читается: «м». Очевидно, это Николай Устимович, штаб-ротмистр Гусарского полка. Похоже, что эти объезды гусар — клич на ночную пирушку.

СПИСОК можно считать расшифрованным. Если и скажет кто, что какую-то фамилию можно объяснить иначе, — общего смысла записи это никак не изменит.

Могут еще сказать: пустяковая

запись, для понимания Лермонтова ничего не дает — великосветские визиты, гусары!..

Неверно.

Лермонтов знакомится с жизнью петербургского света, которая дала уже материал для «Маскарада», а теперь послужит основой для описаний «Княгини Лиговской», где появится молодой человек 30-х годов Григорий Александрович Печорин. Это будут страницы, чем-то сходные с Гоголем, хотя «Мертвые души» выйдут к читателю только через шесть лет, когда Лермонтова не будет в живых. Но кто-то сказал замечательно: между «Ревизором» (1836) и «Мертвыми душами» (1842) поместился весь Лермонтов.

С гоголевским юмором делит Лермонтов в описании бала танцующих кавалеров на два разряда: одни «добросовестно не жалели ни ног, ни языка, танцовали без устали...» И другие — «люди средних лет, чиновные, заслуженные ветераны общества, с важною осанкой и гордым выражением лица, скользили небрежно по паркету...»

И какое интересное получается сочетание гоголевских интонаций и лермонтовских противопоставлений, когда он показывает, как все естественное, природное в этих людях забивает блеск мишуры, которую можно купить на золото. Вчитайтесь в строки, следующие за описанием танцоров!

«Но зато дамы... о! дамы были истинным украшением этого бала, как и всех возможных балов!.. сколько блестящих глаз и бриллиантов, сколько розовых уст и розовых лент... чудеса природы и чудеса модной лавки... волшебные маленькие ножки и чудно узкие башмачки, беломраморные плечи и лучшие французские белилы, звучащие фразы, заимствованные из модного романа, бриллианты, взятые напрокат из лавки...»

Где же происходит этот блестящий бал?

Девятая глава романа, в которой Лермонтов описывает эту сцену, начинается так:

«Баронесса Р* была русская, но замужем за курляндским бароном, который каким-то образом сделался ужасно богат, она жила на Миллионной в самом центре высшего круга. С 11 часов вечера кареты, одна за одной, стали подъезжать к ярко освещенному ее подъезду...»

Прервем на минуту чтение. Можно ли сомневаться в том, что, когда Лермонтов писал это слово — «Миллионная», — Миллионная улица возникла на мгновение перед его мысленным взором со всеми этими Новосильцовыми и Торсуковыми. И это видение отразилось в следующей фразе, совпавшей в себе все то главное, что было связано для него с этой именитой николаевской знатью.

«...Для этого общества, — продолжает Лермонтов, — кроме кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаниями (какие бы они ни были), имя, столько уже знакомое лакейским, чтоб швейцар его не исковеркал, и чтобы в случае, когда его произнесут, какая-нибудь важная дама, законодательница и судия гостиных, спросила бы — который это? — не родня ли он князю В. или графу К.»

Список, обнаруженный нами, совсем невелик. Но и он послужит изучению той среды, которую Лермонтов заклеил в «Маскараде», в «Княгине Лиговской», в стихах на смерть Пушкина, в «Герое нашего времени»... Среда, которая Лермонтова не только убила, но долго и старательно продолжала клеветать на него.

ДЕНЬ ЛЕРМОНТОВА

Ираклий АНДРОНИКОВ

В ИСТОРИИ рукописного наследия Лермонтова было множество драматических эпизодов. Далеко не все уцелело из поэтических произведений его, не говоря уже о письмах, рисунках, картинах. Кое-что из сочинений было отобрано при аресте и, видимо, уничтожено. Несколько тетрадей со стихами брошено в реку, когда горцы напали на кавказскую почту. Но один эпизод достоин сожаления особого: в 1842 году близкий родственник Лермонтова, состоя в Кременчуге адъютантом при начальнике артиллерии, оставил на «некоторое время» сыну его связку черновых бумаг, которую поэт отобрал перед последним отъездом своим на Кавказ, в 1841 году, чтобы потом еще раз просмотреть ее. В этой связке были стихи неизвестные. Много листов из нее пропало. В 1865 году живший в Кременчуге доктор медицины Н. А. Долгоруков предлагал прислать в Петербург «сотни стихов» Лермонтова (очевидно, имея в виду не стихотворения, а стихотворные строки). И сообщал, что среди них имеется маленькая, вполне законченная поэма и несколько стихотворений, написанных Лермонтовым по-французски. Но дело о покупке этих бумаг почему-то расстроилось, и что это были за стихи, нам до сих пор неизвестно. Уцелевшая часть кременчугской пачки, заключенная в переплет, попала потом в Москву, в библиотеку собирателя А. Д. Чертова и вместе с ней в собрание Исторического музея. Было это давно. С тех пор многие поколения редакторов разворачивали «Тетрадь Чертовской библиотеки». И все-таки одну запись Лермонтова никто не заметил и не использовал. Она не попала ни в академическое, ни в какие другие издания.

ЭТО ПЕРЕЧЕНЬ дел на обороте листа, на котором писалось стихотворение 1835 года «Опять, народные витии». Лермонтов, которому исполнился 21 год, служил в царскосельском гусарском полку и разъезжает по Петербургу с визитами. Некоторые имена и фамилии записаны сокращенно. И все же попробуем разгадать их и восстановить этот день жизни молодого поэта.

Этот список выглядит так:

Шлипен —
новосильцов;
Алекс. алек.
Торсуков;
Лонгинов;
Кирееву обед;
веч. шерб. пономареву,
к Столыпину, устимов.

Прежде чем обратиться к перечисленным здесь фамилиям, представим себе литературные дела Лермонтова.

Он живет не только в Царском Селе, где стоит полк, но и в Петербурге, на Садовой, у бабушки. В этой квартире вместе с ним живет его друг — Святослав Раевский, шестью годами старше его, образованный юрист, прослушавший курс двух факультетов Московского университета. Раевский имеет связи в литературном кругу и заботливо следит за литературными занятиями Лермонтова. Лермонтов еще не печатается. Он решил дебютировать новой пьесой. И вот работа над первой редакцией «Маскарада» окончена. Прежде чем представить ее в драматическую цензуру на театр, Раевский — он служит столоначальником в департаменте — поручает своим сослуживцам, которые вечером заезжают к ним с Лермонтовым на Садовую улицу по-приятельски, прочитать драму и выверить списки. После этого пьеса поступает в драматическую цензуру III отделения. Одновременно Раевский передает пьесу двоюродному своему брату А. Д. Кирееву. Это управляющий конторой императорских театров. Чиновник Инсарский пишет, что он был «могущественным и неограниченным повелителем всего театрального мира... Кто не знает и не помнит Киреева? — продолжает Инсарский. — Если говорили о театрах, если вы имели какое-либо дело до театров, на первом плане был Киреев, как будто бы ни Геденова, ни других личностей, имеющих значение в этом мире, не существовало».

Впоследствии, несколько лет спустя, Киреев выступил в роли издателя «Героя нашего времени». А по-

ка Лермонтов должен еще только познакомиться с ним. Если пьеса Кирееву понравится, он вручит ее директору театров А. М. Геденову, и тогда можно рассчитывать, что «Маскарад» будет поставлен на императорской сцене.

Лермонтов отправился к полку, в Царское. Раевский посылает туда письмо, в котором поздравляет друга с успехом и передает приглашение Киреева: Киреев хочет познакомиться его с Геденовым.

Приехав в Петербург, поэт едет к Синеуму мосту на Мойку, чтобы навестить Карла Антоновича Шлипенбаха: барон Шлипенбах — генерал, начальник той самой юнкерской школы, из которой Лермонтов год назад выпущен в полк. Но отношения с ним и с его женой на этом не оборвались. Об этом мы знаем из письма бабки Е. А. Арсеньевой, в котором упоминается Мавра Николаевна Шлипенбах; выдав дочерей замуж, она заскучала, пристрастилась к картам. А сам Шлипенбах болел и все еще слаб.

«Новосильцов» — надо думать, тайный советник Николай Петрович Новосильцов, по словам Гоголя, известный «всем нашим литераторам». Он сын «Кат. Ал.», указанной в следующей строке — Екатерины Александровны Новосильцовой, восьмидесятилетней старухи, вдовы знаменитого сенатора П. И. Новосильцова, умершего еще в начале Александровского царствования. И она, и сын ее знакомы Лермонтову и старухе Арсеньевой. Недаром Арсеньева пишет, что видела как-то Катерину Александровну Новосильцову и удивлена: «ничего не переменялась». Зато сын Николай Петрович «был очень болен — инфламация в желудке», но поправляется.

Новосильцова живет на Миллионной, рядом с семьей своего брата Ардалиона Александровича Торсукова. Эта фамилия тоже включена в перечень предстоящих визитов Лермонтова. Торсуков — обергофмейстер двора, женатый на племяннице известной шутихи Екатерины II — карлицы Марии Савишны Перекусихиной. «Он был в большой дружбе с сестрой», — пишет в своих мемуарах Ф. Вигель, — и их два дома составляли почти один: потому-то между всякой всячины встречался у них народ придворный и люди хорошего тона».

Надо ли говорить, что, с их точки зрения, Лермонтов принадлежит ко «всякой всячине». И отметим, забегая вперед: строки «Смерти Поэта», которые будут написаны через год с небольшим, — характеристика «известной подлостью прославленных отцов» и придворных потомков этих отцов возникнет не понаслышке, а на основании собственных наблюдений над знатью, поднявшейся, подобно грибоедовскому Максиму Петровичу, который «сгибался вперегиб», чтоб насмешить Екатерину II. Или, как говорит у Лермонтова в «Маскараде» Казарин об этих новоиспеченных вельможах:

Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А все ведь отчего? — умели

Прилиже во всем, блистать свои
законны,

Держались правил... гляди!..
При них и честь и миллионы!..

Торсуковы породнились с Кикиными: Кикины — знакомые Лермонтова. Сохранился лермонтовский акварельный рисунок, который стоит карикатуры: отвратительный, сморщенный, брюзгливый старик Кикин; очевидно, Алексей Андреевич, тот, что шесть лет спустя будет писать о дуэли, жалей Мартынова, и злорадствовать, извергая хулу на погибшего Лермонтова.

В доме матери живет и другой Новосильцов — Петр Петрович, кавалергард, однополчанин Дантеса, женатый на некоей Меропе Александровне Беринг. Эта Меропа Новосильцова даже в 80-х годах не могла спокойно говорить о Лермонтове и отзывалась о нем так резко, что брань ее противно цитировать. Можно было бы и не упоминать про Меропу и про мужа ее... но нет! На дочери их женат приятель Лермонтова, лейбгусар

Н. С. Вяземский. И жене его принадлежат две акварели, хранящиеся ныне в собрании Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: «Бивуак лейб-гвардии Гусарского полка в Царском Селе», писанный как раз в 1835 году. И другой — «Мельница с тройкой».

Однако вернемся к перенному делу! Если Новосильцовы живут на Миллионной, дом № 16, угол Мошкова, а Торсуковы на Миллионной, дом № 11, чуть ближе к Марсову полю, и эти два дома составляют «почти один» дом, то кто же обозначенный между ними в списке «Алекс. Алек.»? Предположить, что Лермонтов уехал с Миллионной, чтобы тотчас снова вернуться туда?

Тут простор для догадок широкий. Это может быть, скажем, брат бабушки, обитатель Казани и Симбирска, Александр Алексеевич Столыпин, приехавший в Петербург и остановившийся у знакомых. Но, возможно, это брат Меропы Александровны — Алексей Александрович Беринг.

С Миллионной улицы Лермонтов едет к Лонгиновым на Сергиевскую. Николай Михайлович Лонгинов — статс-секретарь у принятии прошений на имя царя. Считаюсь с Лонгиновым в родстве по Арсеньевым, Лермонтов постоянно видится с ними.

Первая половина дня пролетела. Поэт спешит к Александринскому театру, где квартирует Киреев и где должна решиться, как думает Лермонтов, судьба постановки. Следовательно, в этот день ему еще неизвестно, что цензура запретит «Маскарад». Значит, происходит все это до 8 ноября 1835 года, когда первая трехактная редакция «Маскарада» возвращается поэту «для перемен».

У Киреева Лермонтов встречается с Геденовым. Обед затянулся. Выходит оттуда Лермонтов вечером. Ему предстоит повидать однополчанина своего — Александра Щербатова. Он живет на Фонтанке. Если это другой Щербатов — Дмитрий, — дело от этого не меняется: он тоже гусар и однополчанин. От Щербатова Лермонтов поспешает на Пантелеймоновскую — к лейбгусару Пономареву — «Камашке». Потом на Театральную площадь к Мордвиновым, у которых живет его родственник, однополчанин и друг Столыпин — Монго. А если это Алексей Григорьевич Столыпин? Разница в данном случае тоже невелика. Потому что и этот родственник. И тоже однополчанин. Если так, то Лермонтов поскакал от «Камашки» не к Большому театру, а на Караванную улицу, где живет мать А. Г. Столыпина, родная сестра бабки Арсеньевой — Наталья Алексеевна Столыпина.

Последний в списке «Устинов» или «Устимов». Кто это? Миша Устинов, приехавший из Саратова — молодой человек, на сестре которого женат младший брат бабушки Афанасий Алексеевич Столыпин?

Так хочется думать, но не выходит — довольно ясно читается: «м». Очевидно, это Николай Устимович, штаб-ротмистр Гусарского полка. Прохоже, что эти объезды гусар — клич на ночную пирушку.

СПИСОК можно считать расшифрованным. Если и скажет кто, что какую-то фамилию можно объяснить иначе, — общего смысла записи это никак не изменит.

Могут еще сказать: пустяковая

запись, для понимания Лермонтова ничего не дает — великосветские визиты, гусары!..

Неверно.

Лермонтов знакомится с жизнью петербургского света, которая дала уже материал для «Маскарада», а теперь послужит основой для описаний «Княгини Лиговской», где появится молодой человек 30-х годов Григорий Александрович Печорин. Это будут странности, чем-то сходные с Гоголем, хотя «Мертвые души» выйдут к читателю только через шесть лет, когда Лермонтова не будет в живых. Но кто-то сказал замечательно: между «Ревизором» (1836) и «Мертвыми душами» (1842) поместился весь Лермонтов.

С гоголевским юмором делит Лермонтов в описании бала танцующих кавалеров на два разряда: одни «добросовестно не жалели ни ног, ни языка, танцовали без усталости...» И другие — «люди средних лет, чиновные, заслуженные ветераны общества, с важною осанкой и гордым выражением лица, скользили небрежно по паркету...»

И какое интересное получается сочетание гоголевских интонаций и лермонтовских противопоставлений, когда он показывает, как все естественное, природное в этих людях забывает блеск мишуры, которую можно купить на золото. Вчитайтесь в строки, следующие за описанием танцоров!

«Но зато дамы... о! дамы были истинным украшением этого бала, как и всех возможных балов!.. сколько блестящих глаз и бриллиантов, сколько розовых уст и розовых лент... чудеса природы и чудеса модной лавки... волшебные маленькие ножки и чудно узкие башмаки, беломраморные плечи и лучшие французские белилы, звучные фразы, заимствованные из модного романа, бриллианты, взятые напрокат из лавки...»

Где же происходит этот блестящий бал?

Девятая глава романа, в которой Лермонтов описывает эту сцену, начинается так:

«Баронесса Рт** была русская, но замужем за курляндским бароном, который каким-то образом сделался ужасно богат, она жила на Миллионной в самом центре высшего круга. С 11 часов вечера кареты, одна за другой, стали подъезжать к ярко освещенному ее подъезду...»

Переведем на минуту чтение. Можно ли сомневаться в том, что, когда Лермонтов писал это слово — «Миллионная», — Миллионная улица возникла на мгновение перед его мысленным взором со всеми этими Новосильцовыми и Торсуковыми. И это видение отразилось в следующей фразе, сгустившей в себе все то главное, что было связано для него с этой именитой николаевской знатью.

«...Для этого общества, — продолжает Лермонтов, — кроме кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаниями (какие бы они ни были), имя, столько уже знакомое лакейским, чтоб швейцар его не исковеркал, и чтобы в случае, когда его произнесут, какая-нибудь важная дама, законодательница и судия гостиных, спросила бы — который это? — не родня ли он князю В. или графу К.»

Список, обнаруженный нами, совсем невелик. Но и он послужит изучению той среды, которую Лермонтов заклеймил в «Маскараде», в «Княгине Лиговской», в стихах на смерть Пушкина, в «Герое нашего времени». Среда, которая Лермонтова не только убила, но долго и старательно продолжала клеветать на него.